

А.И. ВАСИЛЬЕВ
(Елец)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИСЕМИЯ И ОМОНИМИЯ В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются как общетеоретические вопросы русской фразеологической полисемии и омонимии, так и особенности функционирования полисемичных и омонимичных фразеологических единиц в древнерусских памятниках.

Ключевые слова: *древнерусский язык, фразеологическая единица, фразеологическая полисемия и омонимия, внутренняя форма фразеологизма, метафоризация, метонимизация.*

Вопрос о многозначности и омонимии фразеологических единиц (ФЕ), имеющий важное значение для теории фразеологии и успешной лексикографической практики, не раз затрагивался в работах отечественных лингвистов. Объектом нашего исследования послужили в основном древнерусские летописи [4].

Не вызывает сомнения тот факт, что большинство фразеологизмов русского языка однозначны. Как пишет Е.И. Диброва, «ФСРЯ из более чем 4000 фразеологических единиц отметил многозначность только у 600 ФЕ, что составляет примерно 15% от их общего количества» [2, с. 79]. Указывая на причину редкого проявления многозначности среди ФЕ, В.П. Жуков отмечал: «Развитию многозначности препятствует то, что фразеологизмы часто образуются вследствие метафорического переосмысления свободного словосочетания такого же лексического наполнения. Сдерживает появление многозначности и то, что фразеологизмы по сравнению со словом обладают меньшей контекстуальной подвижностью, т.е. лишены возможности более или менее свободно вступать в смысловую и грамматическую связь с другими словами» [3, с. 124–125].

Существуют разные точки зрения на характер развития многозначности. Так, В.П. Жуков, в частности, утверждал, что в результате «повторной метафоризации одного и того же свободного словосочетания, наиболее

удобного для обобщения, появляются такие многозначные фразеологизмы, которые состоят из одних метафорических значений» (Там же, 124). Е.И. Диброва расширяет отношения между значениями многозначной ФЕ и допускает, что между ними «имеются отношения метафоры, метонимии, синекдохи и функционального переноса, т.е. те же смысловые отношения, что и в составе многозначного слова» [2, с. 79].

Наше исследование показало, что в древнерусских памятниках употреблялись многозначные фразеологизмы с количеством значений не более двух. Отдельные значения фразеологизма могли образоваться при реализации разных значений многозначного слова, являющегося компонентом ФЕ. Например, слово *городъ* в древнерусском языке имело следующие значения: 1) 'укрепленное поселение, крепость', 2) 'крепостная стена'. Эти значения, имеющие общий смысл 'построенное и предназначенное для охраны и защиты кого-либо и чего-либо', реализуются в частных значениях многозначной ФЕ *ставити (поставити) городъ*: 1) 'создать укрепленное поселение, крепость': *и рече володимѣрь се не добро еже малъ городъ около киева и нача ставити городы и по соулѣ и по стоугнѣ и поча нароубати мочъ лоучшиѣ от словенъ и от кривичъ и от чюди и от вятичъ и от нихъ насади градъ* (ЛЛ. 991. Л. 42); 2) 'строить (построить) крепостную стену как оборонительное сооружение': *того же лѣта пригонъ былъ крестыанамъ къ новогороду городъ ставити*; Лет. Авр., 1461, 202: *отъ семеона дни той осени поставленъ бысть городъ отъ лоукынѣ оулицы до волухова* (НІВЛ. 1420. Л. 292).

Частные значения многозначной ФЕ в древнерусском языке имели разное управление. Например, фразеологизм *послати рать* в значении 'отправить войско на помощь кому-либо' управлял существительным в форме винительного падежа с предлогом *къ (ко)*: *володимѣрь же сдоумавъ со лвомъ и с братом своимъ пославша рать свою ко вослонимочу* (ИЛ. 1276. Л. 290об.). В своем втором значении 'отправить войско для покорения кого-либо' фразеологизм *послати (посылати) рать* управлял уже существительным в форме роди-

тельного падежа с предлогом **на**: **тоѣ же зимѣ розрѣтисѣ князь великѣи иванѣ с новгородци и посла рѣчь на двинуу за волокъ не помѣноувѣ крестнаго цѣлованнѣ** (НІЛМИ. 1337. Л. 204об.).

С фразеологической полисемией тесно связано явление фразеологической омонимии. Фразеологические омонимы – это фразеологизмы с полным совпадением плана выражения и абсолютным различием плана содержания, причем «членами омонимических рядов всегда являются синтаксические конструкции – модели сочетаний слов, словосочетаний и предложений. Омонимические ряды при этом состоят из единиц одинаковой исходной синтаксической модели, т.е. являются «одноструктурными» [5, с. 28].

Общепризнано, что по своему образованию омонимия бывает внешней (межуровневой) и внутренней. Исследованием внешней омонимии занимался Ш. Балли, который писал, что «омонимия наблюдается и в том случае, когда фразеологический оборот совпадает по форме со свободной синтагмой» [1, с. 191]. Следовательно, при данном типе омонимии фразеологические единицы не только сосуществуют со свободными словосочетаниями, но и являются производными последних. Важным при анализе внешней омонимии является понятие внутренней формы. Е.И. Диброва полагает, что «внутренняя форма ФЕ – это ее первоначальное денотативное значение, вытекающее из суммы реальных значений слов-компонентов. Обычно внутренняя форма имеется у тех ФЕ, которые обладают в современном русском языке соответствиями среди свободных сочетаний слов» [2, с. 66].

Внутренняя форма сохраняется, с нашей точки зрения, между свободным сочетанием слов **въ малѣ** ‘в небольшом количестве’ (**На то же лѣто идоша даньници новгородьстии въ малѣ и очювъ гюрги оже въ малѣ шли и посла князя берладьского съ вои и бивъшеста мало негде сташа новгородьци на островѣ а они противу ставше начаша городъ чинити въ лодьахъ** (НІЛСИ. 1149. Л. 26–26об.)) и омонимичной ФЕ такого же лексического состава **въ малѣ** со значением ‘едва, еле-еле’ (**того лѣта безаконьчи глѣбъ володимеричъ приде со множествомъ половець к рязаню и изиде противу имъ иньгварь съ своею братьею и стоупившимся ѿвоимъ бишасѣ крѣпко и божьею помощью и креста честнаго силою побѣди иньгварь злаго братоубицию глѣба и многы ѿт половець избиша а инъ извѣзаша**

а самъ оканьчи в малѣ оутече (ЛЛ. 1219. Л. 152об.)).

При внутренней омонимии происходит образование новых фразеологизмов от уже существующих в языке. Ученые челябинской фразеологической школы считают, что при таком образовании фразеологических омонимов происходит определенное разделение: «... механизм образования омонима можно представить как процесс разделения ядра лексического значения и объединения вокруг отделившейся части ядра таких сем, которые до разделения находились на периферии значения слова, не актуализировались и не проявлялись в сочетаемости» [9, с. 191].

При установлении омонимичности фразеологизмов, восходящих к многозначной единице, определяющим фактором является внутренняя форма: если она утрачена, налицо омонимы: «Утрата значением внутренней формы приводит к тому, что некогда общий для семантической структуры фразеологизма этимологический образ перестает им быть, что разрушает взаимосвязь между элементами структуры, устраняет взаимообусловленность» [10, с. 83].

К фразеологизмам с утраченной внутренней формой и, следовательно, к фразеологическим омонимам следует отнести следующие древнерусские устойчивые сочетания слов: **по малоу** I ‘понемногу’ (ИЛ. 946. Л. 23) и **по малоу** II ‘потихоньку’ (ИЛ. 1185. Л. 223 об.); **слоужити слоужбоу** I ‘проводить церковное богослужение’ (НІЛМИ. 1442. Л. 259) и **слоужити слоужбоу** II ‘состоять на службе у князя’ (Уст. лет. свод. 1489. Л. 346); **до конца** I ‘полностью, окончательно’ (ИЛ. 1015. Л. 51 об.) и **до конца** II ‘до конца жизни’ (Усп. сб. Л. 293в).

С нашей точки зрения, древнерусский фразеологизм **дати (подати) роукоу** имел в древнерусском языке в качестве омонима свободное словосочетание такого же лексического состава, следовательно, в этом случае мы можем говорить о внешней омонимии и сохранении внутренней формы свободного словосочетания и фразеологизма. Однако устойчивое словосочетание **дати роукоу** зафиксировано в древнерусских памятниках в трех разных значениях, которые интерпретируются нами как значения, не связанные между собой. Очевидно, что перед нами фразеологические омонимы, поэтому речь идет о внутренней омонимии: **дати (подати) роукоу** I ‘помириться, стать союзниками’ (**рече же князь**

печенѣжский къ прѣтичю Поуди ми другъ онъ же рече тако створи и подаста роукоу межю собою и въдасть печенѣжский князь прѣтичю конь саблю стрѣлы онъ же дастъ емоу бронѣ щитъ мечъ (ЛЛ. 968. Л. 20)); дати (въдати) роукоу II 'сдаться' (аще ли роукоу не дадуть и проти ватъса да оубьени боудуть и да не изыщетьса смерть ихъ от княза вашего (ИЛ. 945. Л. 19)); дати (въдати) роукоу (кому) III 'обещать кому-либо жизнь в обмен на выполнение какого-либо условия' (третьего жива яша роукама и приведенъ бысть ко князю данилови рече же емоу изведи мѧ на поуть правъни животъ примеша и вдасть емоу роукоу изведе еѧ и прѣдоша рѣкоу (ИЛ. 1251. Л. 272об.)). Таким образом, в случае с устойчивым словосочетанием дати (подати) роукоу можно говорить как о внешней, так и о внутренней омонимии.

Примеры из древнерусских летописей показывают, что в ФЕ дати (подати) роукоу глагольный компонент дати (подати) употребляется в формах несовершенного и совершенного вида. В этом случае речь идет о морфемном варьировании. Под морфемным варьированием понимается «видоизменение компонентов, связанное с заменой морфем или их наличием/отсутствием» [9, с. 228].

Предполагается, что в основе омонимичности ФЕ лежит такое понятие, как динамичность, которая рассматривается как «количественные изменения языковой единицы, ее способность к семантическому и структурному преобразованию» [6, с. 65]. Как показало наше исследование, древнерусские многозначные и омонимичные ФЕ образуются только по двум синтаксическим моделям: 1) фразеологическая модель «глагол + существительное» и 2) фразеологическая модель «предлог + имя существительное».

Сформулируем выводы.

1. Многозначность и омонимия хотя и редко, но ярко проявлялись в древнерусской фразеологической системе.

2. Разные значения многозначной ФЕ могли образовываться в результате реализации разных значений одного из компонентов ФЕ, например, слова городъ, в то время как значение второго компонента ставити (поставити) оставалось неизменным.

3. Частные значения многозначной ФЕ имели разное управление.

4. Омонимичные ФЕ древнерусского языка возникли под влиянием двух основных явлений: а) внешней омонимии (сохранение внут-

ренней формы) и б) внутренней омонимии (утрата внутренней формы).

5. В омонимичных фразеологизмах встречаются случаи морфемной вариантности.

6. Как правило, в качестве многозначных и омонимичных ФЕ в древнерусском языке выступали глагольные и предложно-именные устойчивые сочетания слов.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Инostr. лит., 1995.
2. Диброва Е.И. Лексикология. Фразеология. Синтаксис текста: избранные работы. М. : ТВТ Дивизион, 2008. Т. II.
3. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. М. : Просвещение, 1978.
4. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М. : Яз. рус. культуры, 1997. Т. I (ЛЛ); Ипатьевская летопись // Там же, 1998. Т. II (ИЛ); Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Там же, 2000. Т. III (НЛСИ – Новгородская первая летопись старшего извода и НЛМИ – Новгородская первая летопись младшего извода); Новгородская четвертая летопись // Там же, 2000. Т. IV. Ч. 1 (НЛЮЛ); Рогожский летописец. Тверской сборник // Там же, 2000. Т. XV (Рог. лет. и Твер. лет.).
5. Павлова Н.А. Омонимия в сфере фразеологии : моногр. Омск : Изд-во ОмГПУ, 1997.
6. Радченко Е.В. Динамичность и диалектичность предметных и процессуальных фразеологизмов // Филол. науки. 2009. № 2.
7. Успенский сборник XII – XIII вв. / под ред. С.И. Коткова. М. : Наука, 1971. (Усп. сб.).
8. Устюжский Летописный свод (Архангелогородский Летописец). М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1950 (Уст. лет. свод).
9. Челябинская фразеологическая школа: науч.-ист. очерк. Челябинск : ЧГПУ, 2002.
10. Швелидзе Н.Б. Омонимия фразеологических единиц (со значением поведения лица) // Наследие академика Ф.И. Буслаева: история и современность. Пенза, 2008.

Phraseology polysemy and homonymy in the Old Russian language

There are regarded both the general theoretic issues of the Russian phraseology polysemy and homonymy, and the functioning peculiarities of polysemic and homonymous phraseological units in the Old Russian monuments.

Key words: the Old Russian language, phraseological unit, phraseological polysemy and homonymy, inner form of a phraseological unit, metaphors, metonyms.